

но в 1272 г. погибает. К нему в 1262 г. обращался киевский митрополит Кирилл с просьбой выслать ему список новой (Святославской) редакции Кормчей. Присланный «великим господином Иаковом Святославом, деспотом Болгарии» список, полученный им от болгарского патриарха, был в 1284 г. переписан в Киеве для рязанского епископа (хранится в ГПБ). В сопроводительном послании митрополиту Кириллу Иаков Святослав сам говорит о себе: «всєя русскія земли благодєржавнаго роду моего, их же отрасли корєнь аз бых святых отец моих».

Как раз от этого периода сохранилось и свидетельство о сербско-русских связях. Житие короля Драгутина (который получил по наследству от родственника Ростислава его Мачванскую бановину) в связи с повествованием о дипломатических сношениях этого государя с другими странами говорит: «въ русьскую бо землю множицею посылаше сълы своє съ многочєстными дари къ божьственымъ црквамъ и монастиремъ, и кляко милостынѣ къ нищимъ и маломощнымъ; въ той бо земли русьсѣи имѣ зѣло любовнааго си прїятеля кнеза Василия, и тому по достоинию длжную чєсть въздавааше глаголы сладкыєсь великолѣпными дари царьскими всилаѣ кму».¹⁸⁶ Это князь Василий Ярославич Костромской, бывший великим князем с 1271 до января 1277 г., известный своими дружественными отношениями с татарами, с помощью которых он воевал против непокорных князей и Великого Новгорода. Возможно, что и причина дружественных отношений Драгутина с Василием стояла в связи с татарами, которые как раз в те годы опустошали соседние области на северных Балканах и заняли Видин. Но независимо от конкретного повода к сношениям важно, что через 20—30 лет после полного разорения Киева и опустошения всей Руси Батыем могли существовать дипломатические и культурные связи между Русью и балканскими славянами, в частности и связи такого культурного значения, как факт отправки на Русь Святославской редакции Номоканона.

Тот факт, что на Руси и в период татарского ига жило сознание канонического единства со славянскими православными землями на Балканах, может помочь осветить одно странное историческое событие, которое имело место через 90 лет после сношений по поводу Номоканона. В декабре 1352 г. московский митрополит Феогност в ожидании кончины назначил своим наследником Алексея, которого тогда и поставил епископом во Владимире; сразу в Царьград были отправлены послы князя и митрополита с просьбой о согласии на посвящение Алексея. 1 марта следующего года Феогност умер, и из Константинополя пришло согласие на поставление Алексея и приглашение прибыть в Царьград, что затем и было выполнено. Однако еще до этого, при жизни Феогноста, тырновский патриарх назначил русским митрополитом некоего монаха Феодорита, который с тырновской грамотой прибыл в Киев. Здесь его не приняли, и дальнейшая его судьба неизвестна. Между тем приведенный факт приобретает особый интерес ввиду того, что именно в те годы произошел раскол между Царьградом и болгарской и сербской церквями в связи с основанием сербской патриархии. Болгарский патриарх, который в 1346 г. играл главную роль при поставлении первого сербского патриарха Иоанникия, по-видимому, пытался распространить свою юрисдикцию на Русь, используя начавшийся в Константинополе раскол и предвидя скорую смерть митрополита Феогноста. Совершенно ясно, что болгарский патриарх не мог предпринять таких шагов без всякого повода и без на-

¹⁸⁶ Животи краљева и архиепископа српских. Изд. Ђ. Даничић. Загреб—Београд, 1866, стр. 39—40.